

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

РУССКОЕ РОССИЙСКОЕ СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Лоскутов В.А.

доктор философских наук, профессор, директор Уральского института
управления-филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, rector@uapa.ru

УДК 930.1:35

ББК 87.65+66.033.141

Цель. Реконструкция основных форм (порождающая модель, код, субъект) существования советского государства-цивилизации в условиях постсоветского термидора. Объяснение природы термидорианского переворота в современной России и места антикоррупционной революции в этом процессе. Определение принципиально новых форм идентификации и суверенизации российской истории.

Методы. В качестве методологической основы исследования используется идеи Ж. Бодрийяра об имплозии и патафизической смерти сложных социальных систем.

Научная новизна. Определена роль и место советского государства-цивилизации в постсоветском термидоре. Раскрыта специфическая логика его превращения в гиперсимулякр, который посредством имплозии осуществляет символическое «самоубийство» - разгосударствление государственно-народной, государственно-державной, государственно-национальной суверенизации, в результате чего появляется реальная возможность саморазвития относительно самостоятельного российского государства и российской цивилизации. Обоснована идея о трех принципиально новых формах идентификации российской истории: исторической, цивилизационной и глобальной.

Ключевые слова: коррупция, самоидентификация, суверенизация, взяточничество, термидорианский переворот, постсоветский термидор, симулякр, гиперреальность, огосударствление, административная реальность.

THE RUSSIAN SOVIET STATE-CIVILIZATION. ARTICLE TWO

Loskutov V.A.

Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Ural Institute of Management-Branch, the Russian
Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia),
66, 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, rector@uapa.ru

Purpose. Reconstruction of the main forms (generating model, code, subject (actor)) of the Soviet state-civilization in conditions of the post-Soviet Thermidor. Interpretation of nature of the Thermidorian coup in modern Russia and of place the anti-corruption revolution takes in this process. Determination of the fundamentally new forms of identifica-

tion and sovereignization of the Russian history.

Methods. As a methodological basis of the research J. Baudrillard's ideas on implosion and pataphysical death of the complex social systems are used.

Scientific novelty. The role and place of the Soviet state-civilization in the post-Soviet Thermidor are identified. The specific logic is revealed of its transformation into a hyper-simulacrum that through implosion commits a symbolic "suicide" – denationalization of the state-popular, state-powerful, state-national sovereignization, as a result of which a real possibility of self-development for the relatively independent Russian state and the Russian civilization emerges. The idea of three fundamentally new forms of the Russian history identification - historical, civilizational and global - is also substantiated.

Key words: corruption, self-identification, sovereignization, bribery, Thermidorian coup, post-Soviet Thermidor, simulacrum, hyper-reality, governmentalization, administrative reality.

«Есть два способа рассматривать события; один состоит в том, чтобы пройти вдоль события, включить в историю его свершение, его обусловленность и его угасание, а другой — в том, чтобы восстановить событие, поселиться в нем как в становлении, одновременно помолодеть и состариться в нем, пройти через все его составляющие или сингулярности»

Жиль Делез

«Фактически, власть существует сегодня, в общем, лишь для того, чтобы скрыть, что ее больше нет»

Жан Бодрийяр

Советское государство-цивилизация (часть вторая)

Постсоветская эпоха завершается. Президент РФ В. В. Путин считает, что она уже закончилась [12]. Нам представляется, что мы все еще находимся в процессе, в неустанных поисках выхода из исторического лабиринта советской истории. Каким образом и когда он завершится до сих пор не ясно. Возможны разные варианты развития событий. Прежде чем мы их опишем, отметим в самом общем виде те критериальные значения, своеобразные границы и пределы исторического самоопределения этой эпохи, с помощью которых можно было бы зафиксировать результативность данного процесса и понять, каким образом постсоветская эпоха в форме постсоветского термидора завершает его.

Когда постсоветский термидор оборачивается на самого себя в поисках путей и средств выхода за собственные пределы, становится очевидным, что он представляет собой единство трех разноуровневых и разнокачественных процессов самоидентификации – самоидентификации революции (источника) в постреволюционную эпоху (1), сущности термидора и процесса ее самообоснования (2) и, наконец, термидорианского переворота, то есть способа завершения термидора и формы его перехода в иное состояние развития истории (3). Эти процессы образуют своеобразную систему координат его самоопределения. Попадая в нее, любое историческое событие, или дей-

ствие становится носителем, способом отражения и выражения определенной логики самоидентификации постсоветского термидора. Не является исключением и советское государство-цивилизация. В процессе его самоидентификации возникают некие формообразующие механизмы и соответствующие им институциональные образования, которые с определенной степенью вариативности и глубины проникновения в сущность данного явления, раскрывают его место и роль в системе координат исторического самоопределения постсоветского термидора. Они фиксируют факт существования и самоидентификации советского государства-цивилизации в виде **порождающей модели, матрицы и субъекта** его развития.

Постсоветский термидор - это не просто время восстановления погрязших революцией прав и свобод советского государства-цивилизации, но очень важный этап качественного обновления его симулятивного потенциала. Современная история в достаточно ярких и образных формах дает нам ответ на вопрос кто, как и почему «предал революцию» (Л.Д. Троцкий) - антитоталитарную и антисоциалистическую революцию девяностых годов. Кто, как и почему занимается в настоящее время реставрацией старых советских порядков и активно противодействует различного рода бархатным и цветным революциям. Но она же, во всех возможных красках показывает и раскрывает логику, основные этапы и формы, механизм превращения советского государства-цивилизации в субъект самои-

дентификации постсоветского термидора. Тем самым постсоветская история как бы приоткрывает для себя дверь в иной мир – в свое ближайшее будущее. Для того, чтобы доказать самодостаточность исторического существования постсоветский термидор должен соответствующим образом отнестись не только к прошлому (реставрация), настоящему (контрреволюция), но и к своему будущему. К тому будущему, которое он заключает в самом себе и которое активно – посредством самоидентификации советского государства-цивилизации симулирует в себе, в том числе и посредством симуляции собственной смерти. Своеобразным механизмом самоидентификации термидора, внутренней формой организации его саморазвития и обращения в свою противоположность было и остается советское государство-цивилизация. Оно является той практической скрепой, которая своим самодвижением соединяет его прошлое, настоящее и будущее в нем самом. При этом, за счет собственных трансформаций оно существенно корректирует его обновленческий потенциал. Формирует способность в самом себе найти те силы и энергии, которые бы позволили ему выйти за собственные границы и вернуть «остатки» революции в исторический процесс.

Постсоветский термидор не реставрирует советское прошлое, но в качестве источника своего самоопределения воспроизводит один из важнейших продуктов ушедшей эпохи – советское государство-цивилизацию. С его помощью он возвращается к истокам революции и особым образом модулирует и моделирует решение одной из ключевых проблем качественного обновления природы и сущности советской истории – проблему воспроизводства стабильности и преемственности исторического процесса. Если иметь в виду какие-то абстрактные и формальные признаки, то в принципе, можно вести речь о процедуре реставрации советского государства-цивилизации. Хотя следует иметь в виду, что в рамках постсоветского термидора этот процесс протекает в особенных формах. Что гарантирует реставрацию не просто советского государства-цивилизации как одного из важнейших продуктов советской эпохи, а воспроизводство его важнейшей миссии – обеспечения стабильности исторического самоопределения термидора, а значит, как это не покажется странным, и революционного способа преобразования советской истории.

В начале двухтысячных годов, оказавшись перед лицом совершенно новых исторических вызовов, советское государство-цивилизация восстало из руин, казалось бы, окончательно поверженной советской истории, и в существенно обновленном виде вернулось в гиперреальность постсоветского термидора. Ему предстояло в существенно обновленных исторических условиях воссоздать те наиболее кон-

структивные и жизнеспособные качества собственной симулятивной деятельности, которые бы гарантировали воспроизводство цивилизационной целостности новой властной реальности России. Оно должно было не просто реставрировать советское в постсоветском, а восстановить тот способ конструктивной самоидентификации, который полагал допустимые границы и реальные возможности установления конкретного тождества их симулятивной природы в рамках новой гиперреальности.

В результате антитоталитарной антисоциалистической революции исходный код советской истории был существенно деформирован и разрушен. Советское государство-цивилизация осталось как бы без корневой системы – превратилось в своеобразное перекасти-поле постсоветской гиперреальности. Оно так бы и растворилось в хаосе революционных будней, если бы не возникшая в процессе реформирования гиперреальности потребность в ее самоидентификации и самообосновании. В процессе стабилизации нового симулятивного порядка советское государство-цивилизация из полуразложившегося продукта самообновления советской гиперреальности превращается в основной источник (порождающую модель) самоидентификации постсоветского термидора. Оно продуцирует то, что, хотя и формально, но, безусловно, связывает между собой прошлую и настоящую гиперреальность и обеспечивает стабильность ее существования в обновленных симулятивных формах. В результате его возвращения из, казалось бы, навсегда утерянного, но еще не забытого прошлого, с помощью заимствованных и вновь созданных симулятивных процедур удалось воссоздать целостность властной гиперреальности постсоветской России – создать особую **административную гиперреальность**.

Будучи «восстановленным» источником самоидентификации постсоветского термидора советское государство-цивилизация особым образом – посредством, во многом формальной реставрации в новых исторических условиях элементов и механизмов советской административной системы симулирует стабильность революционного действия и его превращение из важнейшего элемента исторической реальности в гиперреальность. Порождая из самого себя и в самом себе административную гиперреальность, оно симулирует отсутствие не просто исторической реальности, но и своеобразную стабилизацию процесса самоопределения революционного смысла ее бытия. Важнейшим средством качественного обновления административной гиперреальности при этом оказывается особая форма самодвижения советского государства-цивилизации – так называемая вертикаль власти. Она стабилизирует (симулирует) административную гиперреальность таким образом, что в результате про-

исходит своеобразное «обледенение смысла» (Ж. Бодрийяр), формализация (фетишизация) и вытеснение за границы гиперреальности таких завоеваний анти-тоталитарной и антисоциалистической революции как рынок и демократия. Будучи важнейшим симулятором процедур самоопределения постсоветского термидора вертикаль власти подставляет вместо рынка удивительное тождество олигархического и государственного капитализма, а вместо демократического транзита формально-декларативную и манипулятивно-выборную демократию. С помощью этих симулякров она как бы оживает и начинает производить некие действия, которые свидетельствуют о том, что дело революции живо, и она по-прежнему, хотя и в каких-то превращенных, а зачастую, и извращенных формах, но все-таки еще способна из самой себя производить, как минимум, саму себя.

Возьмем еще раз к вопросу о сути тех процессов, которые можно определить как реставрацию элементов советского прошлого в постсоветском настоящем. В условиях постсоветского термидора реставрация прошлого, безусловно, присутствует. Но она носит вспомогательный и формальный характер. Основной процедурой его самоидентификации является своеобразное вытеснение и свертывание революционного содержания и смысла революции. И уже на этой основе – стабилизация самодостаточности термидора. Реставрация некоторых проверенных в советские времена и доказавших свою эффективность в условиях социалистического строительства административных механизмов и способов симуляции и их консолидация в рамках так называемого административного потенциала власти («вертикали власти») встраивается в этот процесс и позволяет совершенно по иному поставить вопрос о преемственности процесса самоидентификации постсоветского термидора. Нет, не только и не столько с советским прошлым, а с тем гиперреальным советским настоящим, которое фиксирует не отсутствие присутствия исторической реальности, но присутствие отсутствия революции.

С помощью административного ресурса и вертикали власти советское государство-цивилизация симулирует отсутствие присутствия революции и ее важнейших продуктов. Скрывает и маскирует этот факт посредством различных симулякров будто бы стабилизирующих административную гиперреальность. При этом оно испытывает значительные трудности в обеспечении расширенного воспроизводства произведенной стабильности. С ними оно сталкивается в основном на границах административной гиперреальности, где административный ресурс оказывается не в состоянии гарантировать эффективное решение не только административных, но властных и управленческих проблем ее самоопределения. А также в тех

потенциальных точках роста революции, в которых административный ресурс «истощается» и превращается в набор обыкновенных симулятивных процедур: в так называемую «догоняющую модель», «модернизацию», «инновационное развитие» и т.п.

Любой термидор – это продолжение революции. Поэтому он полагает определенные пределы для различных процессов и процедур реставрации. Не отменяет их, но устанавливает четкие границы возможного возвращения прошлого в настоящее. Постсоветский термидор не является исключением. Он определяет соотношение революции и реставрации в самом себе путем превращения источника своего развития в предельное основание собственного самоопределения. Фактически, с помощью данной процедуры он «восстанавливает» в себе утерянный генетический код, который определяет самодостаточность его существования в заданных революцией границах исторического бытия. Напомним, что в предшествующую историческую эпоху эту роль исполняла бинарная оппозиция тоталитаризма и социализма. Важнейшим ресурсом и средством кодирования исторической реальности и превращения ее в гиперреальность в те годы, как мы уже отмечали, было советское государство-цивилизация. В новых исторических условиях, в процессе самообоснования постсоветского термидора происходит не реставрация этой бинарной оппозиции, а превращение советского государства-цивилизации из порождающей модели в код и матрицу самоидентификации термидора. То, что в советское время было средством и ресурсом развития гиперреальности, в условиях термидора стало генетическим кодом его самоидентификации. Удивительное, но закономерное превращение.

Выбирая между реставрацией и революцией, советское государство-цивилизация выбрало революцию. Точнее будет сказать не революцию, а борьбу с ней. И это не случайно. Для того, чтобы обеспечить необходимые и достаточные условия для самостоятельного существования термидора оно должно было в нем самом найти силы и энергию, с помощью которых можно было бы не возвращаясь назад обеспечить его полноценное и самодостаточное развитие в настоящем. Решению этой задачи как раз и способствовала та абсолютно бескомпромиссная, тотальная война с революцией во имя продолжения революции, которую объявило всем участникам термидора советское государство-цивилизация. Превратившись в код постсоветского термидора, оно стало своеобразным знаменем, вокруг которого сплотились все контрреволюционные силы термидорианской гвардии в России и за ее рубежами.

Противостояние советского государства-цивилизации и революции в рамках самоидентификации

постсоветского термидора происходило в двух различных формах: как особая процедура симулятивного кодирования постсоветской гиперреальности (огосударствления) и в виде открытой борьбы, а также ее симуляции, с различного рода цветными и бархатными революциями на постсоветском пространстве и во всем мире. Основными векторами его контрреволюционной самоидентификации были следующие процессы: деполитизация общества, огосударствление экономики, создание государственной идеологии. На этом пути с помощью различного рода манипуляций, о природе которых мы скажем несколько позже, удалось консолидировать общество вокруг квазипартий, исключить из активной политической жизни большинство населения, уничтожить реальную оппозицию, существенно деформировать и исказить логику становления политической реальности, имитировать политическую борьбу и лидерство. Не все всегда получалось гладко и так как задумывалось конструкторами «суверенной демократии», но в целом с помощью этих симулятивных действий удалось не просто утихомирить демонов революции, но создать надежный контрреволюционный заслон (код) на пути их проникновения в глубины общественной жизни постсоветской истории.

С помощью новообразованных государственных форм организации и институционализации экономической жизни, постоянно стабилизирующей государственной политики в сфере экономики советское государство-цивилизация создало надежные редуты на пути проникновения рыночных механизмов в эти сферы и глубины. Сконструировало целую сеть ловушек, создало множество капканов для реального бизнеса, принуждающих его выживать исключительно в государственной и около государственной экономике. В сфере идеологии происходили очень похожие процессы. Все инструменты свободного формирования интересов граждан и их свободного волеизъявления были деполитизированы, монополизированы государством, или около государственными институтами. Еще только нарождающиеся общественные, гражданские, политические интересы населения были свернуты и упакованы в жесткие идеологические форматы национальной идеи, национальной идентичности, патриотизма, борьбы с внешним и внутренним врагом. Идеология стала делом государства. И оно, исходя из своих целей и интересов с помощью государственных ресурсов и средств, структурировало и институционализировало еще только нарождающееся идеологическое пространство общественной жизни страны.

Советское государство-цивилизация противостояло революции внутри страны с помощью испытанных временем форм огосударствления экономики, политики, идеологии. Конечно, это не были архаичные и кондовые формы-механизмы советской эпохи. Была

проделана серьезная работа над ошибками. Но их суть от этого абсолютно не изменилась. Эти формы по-прежнему стабилизировали (симулировали) стабильность постсоветского термидора за счет существенного ограничения его революционного потенциала. Огосударствление было основным способом кодирования и перекодирования постсоветской гиперреальности. Оно носило сугубо симулятивный характер и с помощью различного рода манипулятивных технологий скрывало в складках постсоветского термидора присутствие отсутствия революции.

Вторым важнейшим вектором самоидентификации постсоветского термидора на матричной основе симулятивным образом восстановленного советского государства-цивилизации был экспорт контрреволюции. Несмотря на развал Советского Союза, советское государство-цивилизация в тех постсоветских странах, которые в результате антитоталитарной революции с огромным удовольствием погрузились в глубины собственной исторической и национальной самоидентификации, по-прежнему оставалось доминантой их развития. В этих условиях экспорт контрреволюции заключался в том, чтобы организовать в относительно стабильных и продуктивных формах «общение» между различными, по воле истории разделенными модусами и фрагментами национального самоопределения советского государства-цивилизации. Иногда это общение протекало в мирных формах. В некоторых случаях (Грузия, Молдавия, Украина) совсем, наоборот – с помощью остатков советского вооружения. Поскольку Россия всегда в этом процессе либо занимала, либо стремилась занять лидирующие позиции, а его советское государство-цивилизация всегда было производящей моделью и стремилось стать матрицей самоидентификации для всех остальных – занимало активную контрреволюционную позицию, постольку в нем самом, в системе его внутренней государственной политики тема особой роли, миссии России как минимум на постсоветском пространстве звучала все более определенно и отчетливо. В результате такого рода практической и идеологической самоидентификации в определенный, но далеко не случайный момент она узнала о себе очень много нового. И, в частности, то, что именно Россия является последним оплотом в мире для традиционных ценностей. И миссия ее состоит в том, чтобы защищать их до последней капли крови тех, кто с ними не согласен. В результате экспансия контрреволюционной экспансии советского государства-цивилизации естественным и закономерным образом привела Россию в тупик изоляционизма и существенно понизила уровень ее геополитических возможностей и притязаний. Что потребовало принятие экс ординарных мер и, фактически, вернуло мир в состояние холодной войны. Во всяком случае – с Россией.

Лоскутов В.А.

Постсоветский термидор с помощью реставрации советского государства-цивилизации и превращения его в источник стабилизации собственного революционного потенциала задал принципиально новый вектор развития постсоветской истории. В качестве системы координат ее качественного обновления он зафиксировал особые процедуры администрирования и «вертикализации» властной реальности. В процессе решения проблемы самообоснования постсоветского термидора советское государство-цивилизация превратилось в предельное основание и матрицу его саморазвития. Посредством огосударствления основных сфер общественной жизни оно кодировало постсоветскую реальность таким образом, что ее революционной содержание превращалась в противоположность - противостояние революции превратилось для постсоветского термидора в основной принцип и способ его самоопределения. На столь высокой ноте борьбы с собственной сущностью его историческая трансформация не закончилась. Перед ним никогда не стояла задача ликвидации революционного потенциала демократического транзита советской истории. Напротив, он должен был его консолидировать, стабилизировать и максимально эффективно использовать, для завершения процесса ее революционной трансформации. Речь не идет о том, что термидор должен инициировать новую революцию, или хотя бы закончить тот революционный процесс, который был источником его появления. С одной стороны, он был завершающим аккордом в процессе кардинального преобразования советской истории. С другой стороны, для того, чтобы после его окончания история могла развиваться в принципиально иной системе координат, он должен был в себе самом собрать воедино все возможные революционные энергии и преобразовать их в нечто абсолютно иное - то, что могло бы гарантировать ему достойное место в новой истории. Место источника ее развития. Термидор - это способ завершения эпохи революционных перемен. И он решает эту задачу. Но, в то же самое время постсоветский термидор за счет установления баланса различных сил революции превращается, должен превратиться в нечто абсолютно иное. Он должен стать источником качественного обновления созданной постсоветской гиперреальности. Выходя на завершающую стадию своего развития, он буквально разрывается между различными историческими силами, которые принуждают его, с одной стороны, продолжать революцию, с другой стороны, обеспечить сохранение и воспроизводство самого себя и, наконец, сделать все необходимое для того, чтобы революция продуктивно завершилась, сам термидор закончился, и началось саморазвитие истории в качественной новой системе координат. Точкой сосредоточения всех этих сил, их бескомпромиссной борьбы

является определенный этап и состояние развития (самоидентификации) постсоветского термидора. Он в чем-то очень важном и сущностном наследует и продолжает соответствующие процедуры реставрации и противостояния революции (контрреволюции). И, в то же самое время, кардинально отличается от них. Мы называем его - **термидорианский переворот**.

Термидорианский переворот – это реверс термидора не просто в предельное основание (код) его самоидентификации, но в процесс его саморазвития. Он подводит своеобразный итог данному процессу. Превращает термидор в субъект, но теперь уже не самоидентификации, а исторической идентификации. Как бы возвращает ему статус порождающей модели. Но теперь уже порождающей не сам термидор, а то состояние истории, которое следует за ним. Делает его гиперсимулякр новой гиперреальности. Термидорианский переворот во Франции, как известно, привел к власти Директорию. Термидорианский переворот в советской России привел к единоличной власти Сталина. И в том и другом случае была окончательно повержена («преданна») революция. Появился новый субъект (гиперсимулякр), который вобрал в себя всю инерционную энергию термидора (постреволюционного развития революции) и максимально выгодно для себя использовал ее для того, чтобы окончательно и бесповоротно перевернуть последнюю страницу своей истории. «Самоубийство» якобинской диктатуры и диктатуры партии большевиков, конечно же, было симуляцией смерти буржуазной революции и диктатуры пролетариата, но с помощью этих процедур удалось разорвать порочный круг симулятивной самоидентификации термидора и обеспечить, хотя и иллюзорное, гиперреальное, но все-таки их возвращение в мир иной истории – в мир капиталистического и социалистического развития.

Постсоветский термидор не исчезает в обновленной гиперреальности самодостаточного бытия. В форме термидорианского переворота он получает шанс на возобновление своей деятельности и продолжение процесса самоидентификации от своего визави – советского государства-цивилизации, которое под воздействием разных причин из источника (порождающей модели) и предельного основания (кода) превращается в полноценного субъекта сохранения и расширенного воспроизводства его самодостаточного «революционного-реставрационного-контрреволюционного» бытия. Советское государство-цивилизация становится субъектом тогда, когда возглавляет крестовый поход термидора против всего того, что мешало развитию и сдерживало полноценную реализацию его собственного, самодостаточного производительного потенциала. И отправилось оно в этот поход, надев на себя одежды, главного и основного актора термидорианского переворота.

Лоскутов В.А.

Для того чтобы объяснить суть этого действия нам необходимо вспомнить о том, что постсоветский термидор – это определенный продукт, процесс и результат симуляции революции. А термидорианский переворот в системе ее самоидентификации исполняет роль своеобразного гиперсимулякра. Он не просто симулирует отсутствие революции и не присутствие ее отсутствия, но своеобразную «смерть» революционного содержания термидора – его оборачивание на самого себя как единство произведенной гиперреальности и производящей симуляции. В прошлом оказывается реставрация, контрреволюция и даже революция. В настоящем остается только одно – особая процедура самоидентификации термидора как конца постсоветской истории. Главную роль в этом превращении играет, естественно, советское государство-цивилизация.

Для того, чтобы окончательно завершить начатое, термидор должен научиться симулировать не только источники и собственную сущность, но и процесс их качественного обновления – собственную смерть. Ему необходимо научиться симулировать самоубийство того симулякра, в который превратилась административная гиперреальность постсоветской истории. Это можно сделать, например, за счет «сплющивания» российской и советской истории посредством самоидентификации такого произведенного в условиях постсоветского термидора гиперсимулякра как русское российское советское государство-цивилизация. В результате советское государство-цивилизация должно будет раствориться в его субъектности и вся эта симулятивная круговерть, но теперь уже окончательно освобожденная от каких-либо революционных энергий, продолжится с новой силой. Это самый простой и естественный путь симуляции его самоубийства. Он предполагает максимальную консолидацию доступного потенциала советской и постсоветской гиперреальности и концентрацию всех ее усилий на его экстенсивной самоидентификации в форме нового субъекта развития сплюсненной российско-советской истории – на повсеместном распространении его псевдоисторических симулятивных судорог в незабвенном прошлом, стабильном настоящем и предсказуемом будущем российской истории.

Мы уже отмечали, что возможен вариант, при котором замкнутая на саму себя вертикаль власти и соответствующая административная реальность естественным образом уничтожат сами себя. Точнее будет сказать, симулируют свою смерть. И произойдет это в рамках термидорианского переворота, когда будет окончательно истощен их управленческий потенциал и окажется, что тот уровень качества и потенциал эффективности государственного управления, который худо, или бедно поддерживал и обеспечивал самоидентификацию постсоветского термидора, полностью ис-

черпал себя. А те симулятивные процедуры, которые маскировали присутствие его отсутствия, превратились в пустые ритуалы и совершенно исключили из процесса собственной самоидентификации какие-либо референции и смыслы. Этот формат осуществления термидорианского переворота очень важен, так как без него, без системного решения проблемы повышения эффективности деятельности государства, советское государство-цивилизация не сможет полноценно исполнять роль субъекта исторической идентификации постсоветского термидора. Прежде чем мы объясним логику и характер термидорианского переворота в России, сделаем ряд замечаний по поводу того, как в этом формате он произошел в иной точке постсоветского пространства – в Украине.

В 2014 году там случилась антикоррупционная революция (последняя и завершающая стадия анти-тоталитарной и антисоциалистической революции) – произошло восстание против советского государства-цивилизации. В 2000 году у России и Украины были примерно одинаковые стартовые позиции. Россия отправилась по пути постсоветского термидора, сосредоточив все свои усилия на процессах авторитарной самоидентификации советского государства-цивилизации, а в Украине, также в форме постсоветского термидора, с помощью различного рода олигархических схем и процедур властвования произошло его тотальное коррупционное разложение, извращение и фетишизация, что с неизбежностью привело к серьезным качественным изменениям всей общественной жизни страны. В результате в 2014 году мы наблюдаем две различные формы, два самодостаточных способа симуляции смерти советского государства-цивилизации в форме термидорианского переворота. По своей сути они идентичны. И в том и другом случае речь идет о советском государстве-цивилизации, которое не может не прекратить свое существование, даже пускай в форме симуляции собственной смерти, так как постсоветский термидор практически полностью исчерпал свой потенциал развития. И в России и в Украине оно является субъектом данного процесса. Но протекает он абсолютно по-разному по той причине, что советское государство-цивилизация в Украине посредством коррупции саморазложилось до такой степени, что его субъектность превратилась в последний выдох умирающего. Предпринимаемые Россией попытки с помощью стратегии «русского мира» и тактики «русской весны» оживить этот полуразложившейся труп и вернуть ему в форме народного восстания русско-украинского «молчаливого большинства» (Ж. Бодрийяр) утерянный симулятивный потенциал, выглядят не убедительными, и лишний раз свидетельствуют о внутренней слабости и фактической исчерпанности какого-либо конструктивного содержания и возможностей

Лоскутов В.А.

данного гиперсимулякра к самоидентификации. Термидорианский переворот в Украине – это всего лишь одна из конкретно-исторических моделей осуществления уже запущенного механизма симуляции смерти советского государства-цивилизации. Аналогичный процесс в настоящее время происходит и в России. Правда, в несколько других формах. Развязки осталось ждать не долго. В России не будет революции. Здесь случится **катастрофа**, в том смысле, как это историческое явление определял Ж. Бодрийяр - в форме имплозии и патафизической смерти советского государства-цивилизации.

В России не будет антикоррупционной революции в чистом виде. Здесь произойдет нечто другое. Посредством имплозии (определение данного феномена смотрите далее) не просто качественно трансформируется система коррупционного самообоснования советского государства-цивилизации, и в этом смысле, антикоррупционная революция все-таки состоится, хотя всего лишь как момент его более глубоких и серьезных трансформаций, но и появится пространство «воображаемых решений» (Ж. Бодрийяр) – система координат самоидентификации российской истории без советского государства-цивилизации. Оно будет разрушено до основания и на его обломках в патафизической форме «воображаемых решений» возникнет принципиально новая система самоидентификации современной российской истории. Для Украины пространством самоопределения «воображаемых решений» будет европейская интеграция. Для России им будет нечто иное. Прежде чем мы попытаемся реконструировать это «нечто», определим сущность той системы координат, в которой в настоящее время на глубоко сущностном уровне происходит самоидентификация российской истории как истории тотально коррумпированного советского государства-цивилизации.

Свобода коррупции как мера самоидентификации советского государства-цивилизации

Власть и коррупция

Самоидентификация современной российской истории, ее погружение не в далекое прошлое, или светлое будущее, а в сущность той будто бы исторической реальности, через обращение к которой советское государство-цивилизация пытается вернуться из-за зазеркалья советской гиперреальности, осуществляется посредством коррупции. Она полагает меру его реального историзма и способность идентифицировать себя в качестве самодостаточного, обладающего собственным потенциалом развития исторического феномена.

Коррупция в современной российской истории существует как совокупность различных симулятивных механизмов самоидентификации советского госу-

дарства-цивилизации. С их помощью оно проникает в глубины своего сущностного бытия и за счет освоения и присвоения присущей ему меры советского историзма, возвращается в современную российскую историю в качестве особенной доминанты ее самоопределения и развития. Являясь специфической формой симуляции истории, коррупция порождает мир, в котором нет места реальной истории – здесь оказываются уничтоженными все ее референции и смыслы. Она существует как мнимость репрезентации, скрывающая за магией и обаянием реального его полное отсутствие – обнаруживает и демонстрирует факт его превращения в гиперреальность. Коррупция симулирует не только отсутствие реального (симулякр первого порядка), но и симуляцию смерти гиперреального (симулякр второго порядка). Она маскирует и искажает присутствие (смерть) его отсутствия (симуляцию): «переход от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего нет» [4, с.18]. Пытаясь в тумане обволакивающей пустоты найти ответ на сакраментальный вопрос «быть, или не быть?» она обращается к отношению гиперреального и симуляции в самой себе и за счет «оборачивания смерти» симуляции (симулякр третьего порядка) превращается в гиперсимулякр - «симулякр в чистом виде» [4, с.17]. С помощью «ретроспективной галлюцинации» [4, с.31], «когда реальное больше не является тем, чем оно было, ностальгия присваивает себе все его значение» [4, с.18]. Ностальгирующая коррупция в форме, например, идеологемы русского российского государства-цивилизации, симулирует свою собственную смерть, используя «непомерное раздувание мифов об истоках и знаках реальности. Непомерное раздувание вторичной истины, объективности и аутентичности. Эскалацию истинного пережитого, воскрешение образного там, где исчезли объект и субстанция» [4, с.18-19].

В своем неумном желании и стремлении стать, наконец-то, из созданного большевиками псевдоисторического перекасти-поля идентифицируемой исторической реальностью постсоветская история, с помощью симулятивных механизмов коррупции доходит до самых дальних окраин и глубинных пределов своего гиперреального существования. Коррупция – это специфический симулякр, «особый эффект времени, когда оно утрачивает свой линейный характер, начинает сворачиваться в петли и предъявлять нам вместо реальностей их призрачные, уже отработанные копии» [3, с.19]. Существует «несколько видов такого головокружения реалистической симуляции» [3, с.333]. Среди них мы выделяем три симулятивные «петли времени», три модели коррупционного развития современного советского государства-цивилизации – три механизма симуляции его самоидентификации в качестве гиперреальности.

С помощью **отчужденной коррупции** формируется постсоветская гиперреальность советского государства-цивилизации - административная реальность его симулятивного воспроизводства. Посредством **отчуждающей коррупции**, которая осуществляется, в том числе, как нескончаемая симуляция борьбы с коррупцией постсоветская гиперреальность советского пытается симулировать свою собственную смерть и за счет этого обеспечить полное отсутствие присутствия всякой действительно исторической реальности. В результате масштабной симулятивной борьбы с коррупцией (**отчуждения коррупции**) гиперреальность советского государства-цивилизации (административная реальность) становится гиперсимуляком. Он как бы собирает отчужденную и отчуждающую коррупцию в один кулак и с его помощью устанавливает в самом себе в качестве меры историзма власть коррупции. Посредством гиперсимуляции советского государства-цивилизации происходит его оборачивание на само себя – оно симулирует «оборачивание смерти» (Ж. Бодрийяр) симуляции и «самоубийство» той административной реальности («синтетической субстанции»), которая является формой его симулятивного воспроизводства.

Позволим себе одно короткое теоретическое отступление от темы исследования. Зададимся следующим вопросом: зачем и для чего в истории нужна власть? Ответ на него, как нам это представляется, достаточно прост: для того, чтобы сущность исторической реальности – свобода, могла развиваться и саморазвиваться. Власть необходима истории для того, чтобы освободить свободу и превратить ее в самодеятельность – субстанцию исторического мира. Очень часто в эпоху всемерного господства естественности исторических законов деятельности над соответствующими законами исторической самодеятельности власть не просто с помощью отчуждения освобождала свободу и созидала пространство ее самодеятельного бытия, но освобождала свободу от свободы – полагала социальные границы и властные пределы ее свободного бытия. Она всегда существовала как alter-ego свободы. Когда же в их взаимоотношения вмешивалось отчуждение, а это было нормой для определенного, достаточно продолжительного этапа человеческой истории, связь свободы и власти разлагалась, извращалась и фетишизировалась. Естественный характер их взаимоотношения сохранялся только за счет самодеятельности, которая всегда была обратной стороной деятельностью истории. Ослабление по каким-то причинам исторической самодеятельности вело к тому, что формы властного освобождения свободы от свободы становились доминирующими. Когда же самодеятельности удавалось вырваться из пут отчужденной власти на сво-

боду, она самым серьезным образом стимулировала, в том числе, и развитие власти в качестве способа утверждения свободы в истории.

В условиях господства законов советского тоталитаризма государство-цивилизация освободило свободу от свободы таким образом, что советская власть (народовластие) обрела статус абсолютной (фетишизированной) свободы, а историческая самодеятельность (социалистическое строительство), фактически, оказавшись без свободы, превратилось в свою противоположность – несвободу общества. Далеко не последнюю, а очень часто, главную роль в такого рода превращениях советского государства-цивилизации исполняла коррупция.

Коррупция – это особый вид самодеятельности свободной власти в несвободном обществе. Она специфическим образом устанавливает конкретно-историческую меру взаимоотношения свободы и несвободы в истории. Полагает способ саморазложения исторической самодеятельности на будто бы свободную власть и такое же общество. В конце концов, с помощью специфических средств, о которых мы поговорим подробнее ниже, она освобождает историю от истории – творит ее как гиперреальность по своему образу и подобию.

Коррупция пробуждается ото сна в качестве закономерной и естественной реакции истории на те проблемы и противоречия ее развития и самоидентификации, которые в ней возникают в процессе жесткого противостояния и противоборства таких разных механизмов исторической самодеятельности, как производство личной и общественной свободы и соответствующих механизмов социального отчуждения истории от свободы и самодеятельности. В каждом отдельном случае она устанавливает относительный баланс их взаиморазрушительной деятельности и, тем самым, в какой-то части гарантирует воспроизводство исторической реальности. Даже, если, при этом ее воспроизводство осуществляется как симуляция. В конце концов, именно коррупция освобождает из плена реальности те исторические силы, которые под ее гнетом были ранее не в состоянии создать нечто ей противоположное. Она освобождает свободу (историческую самодеятельность) от свободы с помощью разнообразных механизмов отчуждения и создает особый мир гиперреальности, который не просто замещает, или представляет историческую реальность, но, став гиперсимуляком, разлагает, извращает и фетишизирует ее.

Коррупция является неотъемлемым качеством всякого отчужденного и отчуждающего властного бытия. Она отражает и выражает такую его историческую особенность как способность быть самодеятельностью и в особых условиях производить самого себя из себя. Коррупция появляется там и тогда, когда

Лоскутов В.А.

власть оборачивается на саму себя и за счет присвоения собственной сущности самоопределяется в истории в качестве самостоятельной исторической силы.

Не следует думать, что коррупция – это единственный и универсальный механизм самообоснования отчужденной и отчуждающей власти. Существует масса иных исторических процедур, с помощью которых она самоопределяется в истории. Коррупция среди них занимает особое место, ибо при определенных условиях она наиболее точно и сущностно воспроизводит во властном бытии соответствующие конкретно-исторические формы такого действительно универсального закона развития исторического мира, как отчуждение. А поскольку отчуждение является одним из наиболее глубоких и сущностных механизмов самодвижения всякой достигшей определенного уровня развития исторической реальности, постольку с помощью коррупции отчужденная история не просто проникает в святая святых властного бытия – просачивается в те сферы, в которых самоопределяется его сущность и возникает необходимость качественного обновления предельных оснований развития власти, а буквально взрывает его. Заставляет власть порождать саму себя по законам отчужденной истории. Формально и на поверхности исторической жизни это выглядит как обыкновенный процесс самоопределения и самообоснования власти. А в сущности все обстоит совсем иначе. С помощью коррупции, которая в этом случае замещает историю, представляет ее в качестве самостоятельной отчуждающей исторической силы, власть сама в себе отчуждает собственную сущность и тем самым, поскольку она является специфическим «образом» саморазвития целостного исторического мира, кардинально меняет всю систему своих отношений с историей. Коррупция – это способ проникновения отчужденной истории в процесс самообоснования властного бытия и превращения его извращенной и фетишизированной сущности в универсальную силу, отчуждающую власть от истории и, наоборот. В том числе отчуждающую ее, естественно, и от истории самой власти. Способность коррупции полноценно реализовать свой исторический потенциал зависит не только от внешних условий ее осуществления, но и от того, насколько в истории и власти укоренены законы отчуждения и насколько эффективно они действуют.

Власть и свобода – две стороны одной монеты. И когда мы, особенно не задумываясь о последствиях, желая получить здесь и сейчас простой и однозначный ответ на очередной судьбоносный вопрос, подбрасываем эту монету вверх может случиться всякое – упав на ладонь, она может повернуться к нам одной, или другой гранью в том числе, как это не покажется на первый взгляд странным, монета может лечь так, или иначе в зависимости от того насколько коррумпирова-

на бросающая ее на счастье рука. Очень часто только от коррупции зависит то, станет ли свобода, или власть той путеводной звездой, которая укажет нам единственно возможный путь постижения всех скрытых тайн исторического мира – укажет способ присвоения реальной диалектики и практической логики взаимобращения власти свободы и свободы власти.

Что происходит с властью, основным способом производства которой является коррупция? Ничего страшного и необычного с ней не происходит. То, что ранее было ее сущностью, становится формой ее движения. Формально все это выглядит именно так, но по сути, поскольку коррупция является способом отчуждения сущности власти, произведенная таким образом форма оказывается в очень странной и неестественной зависимости от того содержания, формой чего она является. И вся странность этого действия заключается в том, что коррупция, производя власть, кардинальным образом меняет природу и логику установления зависимости ее формы от содержания и, наоборот. Кроме этого отчужденная власть становится отчуждающей и с помощью коррупции производит совершенно новое содержание властного бытия и формы его самодвижения. Произведенное содержание кардинальным образом отличается от того, с которого этот процесс начинается. Наконец, возможна еще одна ситуация, когда в процессе революционного переустройства властной реальности коррупция как бы вытесняется извне, власть коррупции отчуждается, и она вновь становится всего лишь одной из форм осуществления властного бытия.

Освобождая историю от истории, свободу от свободы, власть от власти коррупция устанавливает определенную меру историзма произведенной истории и полагает возможность и необходимость ее качественного обновления. В этом состоит основной смысл существования коррупции (отчужденной коррупции, отчуждающей коррупции, отчуждения коррупции) как универсального механизма исторической самоидентификации современной истории России. Он фиксирует и указывает основное направление развития российской истории советского государства-цивилизации в качестве самостоятельной и универсальной силы мировой истории. В специфической форме отражает ее способность быть важнейшим катализатором не только экстенсивного, но и интенсивного освоения историей предельных оснований собственного развития – свободы и самостоятельности.

Формы трансформации советской коррупции

В процессе самоидентификации советского государства-цивилизации в постреволюционный период с одним из ключевых законов его развития произошли странные вещи. Речь идет о коррупции, которая в Со-

ветском Союзе была одним из основных «законов-паразитов» [5] самоопределения и развития тоталитаризма-социализма, а после совершения антитоталитарной и антисоциалистической революции стала важнейшим, наиболее токсичным продуктом процессов его разложения, извращения и фетишизации. Принято считать, что сначала все было хорошо, ну, может быть не все и не то, чтобы хорошо, но вдруг в новой России появилась коррупция, и все стало откровенно плохо. На самом деле, все оказалось не столь диалектично.

В постсоветский период советская коррупция пережила несколько, ну, если и не трагичных, то вполне драматичных моментов своей истории. Во-первых, в результате антитоталитарной и антисоциалистической революции вместо советского государства-цивилизации, как основной симулятивной формы воспроизводства тоталитарной гиперреальности появилась иная форма ее проявления. Началось интенсивное строительство нового дома для советского государства-цивилизации - строительство постсоветского капитализма (единства государственного и олигархического капитализма). В этом процессе коррупция из ключевого закона-паразита воспроизводства тоталитаризма-социализма превратилась в специфическую форму движения и разрешения основного противоречия постсоветской гиперреальности – противоречия между свободой власти и несвободой общества. В результате различных, зачастую очень даже не простых трансформаций, отчужденная советская коррупция нашла для себя достойное место в постсоветской гиперреальности. О чем, конечно же, позаботилось вездесущее советское государство-цивилизация. Достаточно вспомнить, хотя бы ход и итоги номенклатурной приватизации. Во-вторых, заняв свою нишу в глубинах соответствующей гиперреальности, постсоветская коррупция (отчужденная советская коррупция) начала активно и продуктивно симулировать отсутствие присутствия советского государства-цивилизации. Она буквально гонялась за каждым его властным проявлением, превращая столь неожиданно приобретенную свободу освобожденной из плена тоталитаризма-социализма власти не только в несвободу общества, что было естественно и закономерно, но и в свободу самой себя – в свободу коррупции. Оказавшись на свободе, она начала активно, напористо симулировать теперь уже будто бы постсоветскую гиперреальность. В результате советское государство-цивилизация буквально погрузилось в новый для себя мир призрачной свободы и реальной коррупции – чуть не захлебнулось в нем от избытка того и другого. Казалось бы, свободная (освобожденная) советская коррупция способна на многое. Но, увы. Случилось то, что и должно было случиться. Экспансия коррупции всего лишь симулировала ускорение инерционного потенциала развития

советского государства-цивилизации. В-третьих, освобожденная (отчужденная и отчуждающая) советская коррупция симулировала превращение свободы советского государства-цивилизации в универсальную форму его движения и способ рефлексии в собственную историю, предельные основания ее развития. За счет этого реверса оно стало для постсоветской истории, гиперсимулякр – окончательно потеряло, какую бы то ни было связь с реальностью и начало симулировать из самой себя образ «симулякра в чистом виде» [4, с.17]. Свобода отчужденной и отчуждающей коррупции инициировала своеобразную «эйфорию симуляции» (Ж. Бодрийар) в результате чего советское государство-цивилизация превратилось в нечто необычное – некое подобие генетической матрицы для постсоветской истории. И все, что в настоящее время происходит в России, является всего лишь продуктом его симулятивной мутации. Формой действительно свободной, не скованной какими-либо ограничениями, коррупционной модуляции. Его «возвращение» в постсоветскую историю России выглядит как «заученные жесты одуревшего от одиночества и однообразия узника» [3, с.277] собственной свободы. В том числе и той свободы, которую предоставила ему «новая-старая» советская коррупция.

*Коррумпированная власть и
коррумпированное общество*

В условиях постсоветской истории отчужденная советская коррупция превращает отношение общества и власти в бездонную и непреодолимую пропасть. При этом она же, как это не покажется странным, создает необходимые условия и достаточно эффективные инструменты для восстановления, правда, на принципиально иных властных и социальных основаниях их совместного бытия. Решает эту нетривиальную задачу коррупция достаточно странным образом. Она становится основной производительной силой власти, как, впрочем, и общества, выстраивает между ними с помощью процедур их оборачивания на самих себя надежные и устойчивые производственные отношения – превращает их в коррумпированную власть и коррумпированное общество. Свободная, но коррумпированная власть инициирует симулятивное развитие особого вида гиперреальности – административной реальности, в которой различного рода подделки и суррогаты реальной истории симулируют ее референции и смыслы, то есть маскируют и искажают их. В этой гиперреальности власть свободна ровно настолько, насколько несвободно общество и, наоборот. Они вместе имитируют свободу административной гиперреальности и существуют всего лишь в качестве особых модуляций коррупции, которая с их помощью полагает меру ее симулятивного историзма.

В результате революционного взрыва свободы ожила, восстала из пепла советская коррупция. Произошла ее эмансипация и умножение. Она грезилась референтностью свободной власти и свободного общества и с помощью отношений десигнации всячески пыталась воссоздать их свободу. Коррупция отсылает к неожиданно «расколдованному миру означаемого» [3, с.250], роль которого исполняет «расколдованная» свобода. Путем референциальной причинности она устанавливает эквивалентные отношения между властью и обществом. Суть этих симулятивных отношений заключается в том, что с помощью коррупции в границах нового символического порядка (административной гиперреальности) устанавливается эквивалентность свободы власти и несвободы общества. Становится их соизмеримость, но теперь уже в качестве коррумпированной власти и коррумпированного общества.

Коррупция как губка впитывала в себя, поглощала и нейтрализовала в себе все те флюиды свободы, которые в эпоху революционных перемен создавали хаос и броуновское движение различных властных структур и социальных организмов. В результате она превратилась в «представительную субстанцию» (Ж. Бодрийяр), своеобразное зеркало развивающегося тождества свободы власти и свободы общества. Она не только отсылала к свободе, но и особым образом представляла ее интересы в административной гиперреальности. Хотя теперь уже не в общем виде, а в конкретной форме эквивалентного отношения между коррумпированной властью и коррумпированным обществом. Наконец, последнее. Коррупция не только поглощала, представляла свободу, но и сама в рамках административной гиперреальности оказалась в меру свободной. В новых для себя исторических условиях свобода коррупции стала своеобразным способом ее проявления в качестве «синтетической субстанции» (Ж. Бодрийяр), предельной симулятивной основы административной гиперреальности. Она существовала в виде референциальной причинности и десигнации, но не реальности, а самостоятельности, символической обязательности самой себя. В этом наиболее ярко и полно проявилась симулятивная природа свободы коррупции. Посредством свободы она в самой себе симулировала синтетический синтез своего советского прошлого и постсоветского настоящего, порождая при этом всего лишь подделку свободы – образ освобождения из пут социализма советской коррупции. Но рождался он не в результате и не в форме простого потребления коррупции, а в виде, хотя и синтетической, но активно действующей субстанции всевозрастающего, лавинообразного спроса на коррупционные отношения и соответствующую деятельность. Коррупция оказалась важна и нужна всем. В административной гиперреальности свобода коррупции проявлялась в

виде симуляции своей необходимости и всевозрастающего спроса на нее, а также потребности актуализации того принципа эквивалентности власти и общества, который она в себе заключала.

Подведем краткий итог вышесказанному. Отчужденная коррупция симулирует взаимоотношение власти и общества. В результате они становятся коррумпированными властью и обществом и превращаются в важнейшие субстанциональные определения административной гиперреальности. Коррупция устанавливает между ними эквивалентные отношения взаимозависимости. Главным же продуктом этого процесса является установление меры свободы самой коррупции. Она отражает и выражает то, насколько коррупция смогла присвоить свободу, которая была в реальной истории и которую власть и общество с таким энтузиазмом и напором из нее выдавливали. Она фиксирует то, насколько коррупция оказалась в состоянии превратить свободу в форму своего развития и способ идентификации административной реальности. Освобожденной советской коррупции достаточно многое удалось. С одной стороны, осваивая свободу, она преобразовала постсоветскую историю в некое подобие «синтетической субстанции» – административную реальность. С другой стороны, коррупция сделала все для того чтобы превратить власть и общество в «бессмысленный», не имеющий никаких референций, субстрат – с помощью субституции лишила их права на реальную свободу. Но, самое главное, освобожденная коррупция смогла принять посильное участие в процедуре идентификации постсоветской истории и с помощью своей свободы установить меру историзма административной гиперреальности.

Кризис коррупции и борьба с ней

Можно выделить два наиболее значимых результата освобождения советской коррупции из пут советской истории, и два способа ее участия в установлении эквивалентных отношений между властью и обществом. Один из них фиксирует то, что опосредованно коррупцией эти отношения образуют своеобразную гиперреальность и превращаются в эквивалентные отношения между коррумпированной властью и коррумпированным обществом. Другой отражает тот факт, что возникшая в этом процессе административная гиперреальность способна к самоидентификации исключительно потому, что коррупция обладает необходимой для этого действия степенью свободы, которая наиболее адекватно проявляется в процессе симулирования ей не только свободы власти и общества, но и собственной свободы. Она симулирует свою свободу – подставляет ее вместо свободы власти и свободы общества и, тем самым, идентифицирует произведенную гиперреальность как своеобразную подделку (имита-

цию) советской коррупции и советской истории. Что создает, пока может быть всего лишь и абстрактную, но все-таки возможность термидора и реставрации советского государства-цивилизации. Метафизика подделки распознается как устремление людей к демиургии – преобразению постсоветской реальности в единственную, унифицированную субстанцию, симулирующую базовые ценности капитализма и демократии. В этой симулятивной и имитирующей демиургии, хитросплетениях социально-исторической мутации новообращенных строителей капитализма и начальников демократического транзита наиболее ярко и точно проявляется конкретно-историческая логика и характер самоидентификации постсоветской гиперреальности.

Энергетический потенциал антитоталитарной и антисоциалистической революции был настолько сильным, что даже освобожденная советская коррупция не смогла с ним справиться и полноценно использовать для укрепления своей симулятивной природы. Наступил своеобразный кризис коррупции, который был связан, в том числе с тем, что те формы ее воспроизводства, которые доминировали в советской истории и в основном были формами государственного должностничества, принуждения и насилия в условиях разгосударствления истории и продвижения к рыночной экономике, оказались не способны обеспечить ее расширенное воспроизводство. Возникла настоятельная необходимость существенной корректировки и обновления симулятивной природы коррупции.

Деконструкция освобожденной советской коррупции происходила в двух взаимосвязанных формах: путем растворения коррупции в коррупции (симуляция симуляции) и посредством борьбы коррупции с коррупцией (симуляция смерти симуляции). При определенных условиях кризис репрезентации и возрождение на новой основе эквивалентности приводит к тому, что освобожденная коррупция начинает свободно, серийно и эффективно из самой себя производить соответствующие действия и отношения. Не административная гиперреальность, а свободная от какой-либо репрезентации и смысла коррупция становится источником собственного обновления – в самой себе ищет и находит все необходимое для воспроизводства в качестве ведущего симулякра постсоветской истории. Порождая спрос на коррупцию, она особым образом репродуцирует симуляцию. Превращает ее в единый бесконечный операциональный процесс серийного воспроизводства самой себя как совокупности произведенных и с помощью определенной комбинаторики подставленных в гиперреальность актов симуляции. В результате она не только окончательно освобождается от какого-либо подобия, двойника, но и бесконечно умножается в виде множества эквивалентных между собой репродукций – **взятка**. Смысл существования взяточничества, как

формы обращения коррупции на саму себя и собственную свободу заключается в том, чтобы «замкнуть реальность в чистом самоповторении» [3, с. 331].

Взятка – это коррупция без образа, без эха, без отражения, без видимости, которая только и может существовать как ее серийная репродукция. Взятку отличает не только серийность, эквивалентность, неотличимость, но, что самое главное, способность – иначе она просто не была бы формой воспроизводства свободы коррупции, порождать, производить другие взятки. Фактически, превратившись в промышленный симулякр, она симулирует не просто коррупцию, но механизм ее расширенного воспроизводства и, конечно же, определенную, присущую этому механизму, степень свободы. В бесконечной и нескончаемой серии взяточничества коррупция, будучи «имманентной логикой операционального принципа», не только не исчезает, но, напротив, полноценно в расширенном масштабе, хотя и в экстенсивных формах воспроизводится. Обыденное сознание однозначно отождествляет коррупцию и способ ее симуляции посредством взяток. В очень ограниченных и жестко определенных рамках это допустимо. Ведь, если коррупция – это симуляция, а взяточничество – это симуляция симуляции, своеобразное растворение коррупции в процессе собственного воспроизводства, то связь между ними носит глубоко сущностный характер, что является достаточным основанием для их отождествления. Столь же глубокие и сущностные различия между ними появляются тогда, когда возникает проблема не воспроизводства, но производства воспроизводства коррупции, проблема взаимоотношения источника и результата этого процесса. И самое главное, когда появляется необходимость симулировать не столько его начало, сколько конец – его финальную остановку в виде симуляции смерти симуляции. В этой поворотной точке их отождествления, различие коррупции и взяточничества становится не просто очевидным, но, буквально, кричащим – бросающим вызов всем принятым нормам их совместного воспроизводства.

Бесконечное репродуцирование коррупции в виде множества взяток приводит к «утечке» из системы гиперреальности симуляции как ее внутренней связности. В результате чего границы симуляции отступают в бесконечность, она меняет свою природу. Это негативно сказывается на целостности и связности административной гиперреальности. Противостоять ее «симулятивному головокружению» может только сама коррупция. Для того, чтобы его прекратить она должна уничтожить ту форму воспроизводства, которая, фактически, была ее постоянно действующим источником. Уничтожить не коррупцию, но ту симулятивную форму, которая разрушала ее границы и не позволяла ей качественно обновляться.

Коррупция растворяется в бесконечной серии взяток и это является естественной формой ее расширенного воспроизводства, а также серьезной угрозой ее существованию: смерть, то есть остановка процедуры воспроизводства по независящим от нее причинам, может наступить ее в любой момент. Для того, чтобы лучше подготовиться к этому гиперфинальному событию, она должна научиться симулировать свою смерть. Но, даже не это главное. Взятничество – это естественная граница воспроизводства коррупции. Своеобразный предел его осуществления. Когда возникает необходимость обновления системы коррупционных отношений и процедур, оно становится непреодолимым препятствием для него. Преодолеть это препятствие можно только за счет смерти той формы воспроизводства коррупции, которая инициирует ее необходимость. Очень часто этим целям, как раз и служит борьба с коррупцией – «стратегия обратимой симуляции» [3, с. 104], попытка «сделать из собственной логики системы неотразимое оружие против нее» [3, с.104], обращение «системы против нее самой в высшей точке симуляции» [3, с. 104].

Когда коррупция существует как серийное производство взяток, источником борьбы с ней становится она сама – симуляция симулирует свою смерть. В этом случае коррупция существует еще пока не как «порождающая модель» симуляции, но уже как способ агрессивной гиперсимуляции направленной на ликвидацию форм воспроизводства, сковывающих ее обновленческий потенциал. Она все еще остается симуляком второго порядка, но в форме борьбы пробуждает необходимую энергию для превращения в симулякр третьего порядка, который симулирует уже не смерть, но оборачивание смерти симуляции на саму себя.

Для того чтобы в новых для себя условиях административной гиперреальности обеспечить собственное воспроизводство, советская коррупция обращается на саму себя и с помощью дисперсии взяточничества и организации силовой форсированной борьбы с ней, пытается решить эту во многом судьбоносную для себя проблему. Залогом успешности и эффективности ее действий был тот уровень свободы, который она сумела достичь в процессе установления баланса коррумпированной власти и коррумпированного общества постсоветской истории. Присвоив, консолидовав свободу власти и общества, советская коррупция с ее помощью как бы обрела вторую жизнь – стала воспроизводиться в расширенных масштабах, проникая во все сферы и на все уровни функционирования административной гиперреальности. Вал коррупции, буквально, накрыл современную Россию. Никаких серьезных препятствий на своем пути он не встретил. Казалось бы, вот оно – торжество всесильной и свободной коррупции. Но, оказывается, что в условиях

несвободной власти и несвободного общества свобода коррупции существенно ограничена, причем, она ограничивает саму себя. В частности, это проявляется в том, что в ней отсутствует необходимый потенциал для обновления и устройства границ, препятствующих ее «утечке». В результате экстенсивной экспансии коррупции в административную гиперреальность был серьезным образом нарушен баланс ее свобод и существенно снижен градус, а также потенциал свободного и расширенного воспроизводства взяточничества. В целях самосохранения и повышения эффективности своего функционирования система была вынуждена начать борьбу с коррупцией. Фактически же она свелась к имманентной борьбе коррупции с самой собой и превратилась в симуляцию смерти ее симулятивной природы.

Если бы коррупция была не свободна, она бы не смогла эффективно и продуктивно симулировать свою смерть. В этом процессе она, фактически, полагала для самой себя допустимую меру свободы собственных действий. Определяла границы и приемлемые механизмы распространения в различных сферах и глубинах административной гиперреальности. С помощью своеобразной саморефлексии она конституировала допустимое пространство своего свободного функционирования. Устанавливала в самой себе баланс собственной свободы и несвободы – симулировала свою собственную смерть.

Коррупция не просто присвоила свободу, но с помощью симуляции борьбы с собой научилась устанавливать меру своего свободного и несвободного бытия. Посредством разнообразных манипуляций она научилась обманывать (симулировать) свою смерть. И как это не покажется странным, тем самым, в процессе «самоожжения» на костре, она создала необходимые условия для того, чтобы советское государство-цивилизация в самом себе обнаружило, сформировало такой потенциал собственной свободы, который позволил ему вновь вернуться к активной симулятивной деятельности, хотя пока еще и не в исторической реальности, а в постсоветской гиперреальности. Свободная коррупция разбудила ото сна и стимулировала процессы рассеивания и создания своеобразных очагов его свободы в различных сферах и областях административной гиперреальности. Она симулировала его ренессанс в виде сложного и противоречивого процесса постсоветского термидора.

Не без участия коррупции советское государство-цивилизация не просто пробудилось ото сна, но превратилось в относительно свободный процесс симуляции советской истории в постсоветской гиперреальности. Речь, в данном случае, не идет о реставрации прошлого. Напротив, в центре внимания оказались вопросы не преемственности, но симуля-

тивного приспособления к новым историческим реалиям тех фрагментов и остатков прошлой истории, которые потенциально еще были способны эффективно участвовать в деле укрепления и развития обновленной гиперреальности. В условиях постсоветского термидора, свобода советского государства-цивилизации осуществлялась с помощью трех взаимосвязанных механизмов его идентификации. Первый механизм устанавливал меру симуляции им советской истории. Второй механизм полагал его способность симулировать ту гиперреальность, в которой он оказался в результате происков всесильной и всепроникающей коррупции. Наконец, третий механизм симулировал его борьбу с самим собой и теми, произведенными им продуктами, которые вдруг возмнили себя свободными и независимыми от симулятивных отношений созданной постсоветской гиперреальности. С помощью этих механизмов советское государство-цивилизация идентифицировало себя в качестве самодостаточного, а значит и относительно свободного, во всяком случае, умеющего симулировать свою свободу, также как и ее смерть, образования постсоветской истории. Оно самоидентифицировалось в качестве порождающего принципа эффективно симулирующей симуляции и репродукции новых смыслов для нее.

Власть коррупции

Генетической матрицей советской истории, как мы уже отмечали, была бинарная оппозиция тоталитаризма и социализма. Советское государство-цивилизация обеспечивало ее операциональную симуляцию, было порождающей моделью и способом кодирования советской гиперреальности. Антитоталитарная, антисоциалистическая революция значительно ускорила процесс саморазрушения этой оппозиции и инициировала процедуру качественного обновления способа ее проявления – обновления порождающего потенциала советского государства-цивилизации. В том числе, и такого важнейшего симулятивного механизма его самоопределения как советская коррупция. Она актуализировала и существенно активизировала потенциал советской коррупции – освободила ее от пресса социалистической гиперреальности. Создала необходимые и достаточные условия для ее свободного экстенсивного воспроизводства в специфической форме взыточничества. Инициировала такую же экстенсивную, относительно самостоятельную и независимую от административной гиперреальности, а, значит, и свободную борьбу коррупции с самой собой.

Восстановление далеко еще не исчерпанного потенциала воспроизводства и обновления советского государства-цивилизации, его консолидация и укрепление напрямую связано с процессом обретения коррупцией соответствующей меры свободы. И

с обратной процедурой – установлением этой меры в качестве способа идентификации советского государства-цивилизации. Единство этих двух процедур образует систему координат и конституирует определенное состояние свободного воспроизводства и обновления коррупции. Мы называем его – власть коррупции.

Власть коррупции – это особый способ симулятивной самоидентификации советского государства-цивилизации в условиях постсоветского термидора. Ее появлению предшествовали те процессы воспроизводства коррумпированной советской власти (советской номенклатуры), производства различных систем и механизмов коррупции постсоветской власти, которые мы в самом общем виде описали выше. Они создали своеобразную и очень питательную почву для того, чтобы в ней мог вырваться и появиться новый генетический код обновленной гиперреальности и соответствующая порождающая модель ее симулятивного кодирования. Власть коррупции создала мощную оросительную систему, которая обеспечила эту почву благодатной влагой и превратила «хаос» революции и «пустоту» постсоветского термидора в цветущий сад чистой симуляции.

Исторический смысл и предназначение постсоветского термидора заключается в том, что он убедительно показал – созданная постсоветская гиперреальность не может функционировать и обновляться исключительно за счет тех порождающих моделей симуляции (способов самоидентификации), в том числе, и советской коррупции, которые она транслировала из прошлого, или воссоздала в результате соответствующей реакции на антитоталитарную и социалистическую революцию. Нужны какие-то новые механизмы его самоидентификации. Желанием найти адекватный и эффективный ответ на столь решительный, судьбоносный вызов современной истории России объясняется повышенный интерес политиков, идеологов к теме ее исторической идентификации, поиску и защите различного рода базовых ценностей, борьбе с иным и чужим. К сожалению, очень часто, без четкого и однозначного понимания, объяснения истоков проблемы (вызова), рожденные ими ретроспекции, оказываются лишенными какого-либо исторического смысла и лишь маскируют присутствие отсутствия возможности ее практического решения. А решение, безусловно, есть. И подсказывает нам его тот, кто и бросает вызов системе – властвующая коррупция.

Власть коррупции – это не просто форма развития определенных отношений, механизмов и процедур. Она представляет собой наивысшую точку самоидентификации постсоветского термидора, в которой не советская коррупция, но созданная при ее участии постсоветская гиперреальность обращается против самой себя, превращает логику системы

в неотразимое оружие против нее самой [3, с. 104]. В этой точке своего самоопределения гиперреальность постсоветского термидора превращается в гиперсимулякр, симулирующий не отсутствие реальности и даже не присутствие ее отсутствия, но обратимость симуляции «в рамках гиперлогики разрушения и смерти» [3, с.104] на саму себя. В самом широком смысле слова власть коррупции можно определить как универсальный, наиболее развитый и самодостаточный способ самоидентификации постсоветской гиперреальности, который фиксирует определенную степень и меру свободы ее симулятивного самообновления. Она, одновременно, выражает ее способность к рефлексии, отражает логику консолидации инерционного потенциала системы и возможность, как, впрочем, и необходимость его использования в целях ее качественного обновления. В данном случае, вопрос не стоит о том, над кем и как властвует коррупция. Речь идет о другом – насколько коррупция способствует или мешает осуществлению процесса самоидентификации гиперреальности и связанных с ней процедур симуляции и как, в каких формах она участвует в построении новой системы координат ее воспроизводства и обновления. Поскольку в этом процессе коррупция исполняет главенствующую роль – инициирует его, направляет, обеспечивает необходимыми ресурсами, подводит своеобразный итог и фиксирует точку невозврата системы к тому механизму самоидентификации, который был принят до этого в постсоветской истории, постольку она становится способом принуждения данного гиперсимулякра к «смерти» (1), совокупностью различных процедур долженствования, которые своими модуляциями формируют особую логику его саморазрушения (2), специфической самодеятельностью «обратимой симуляции» – «стратегия системы состоит в том, чтобы поглотить собственную субстанцию» (3) [2, с.338].

Власть коррупции начинается с того, что, превратившись в относительно свободно действующий симулякр, она бросает смертельный вызов той системе административной гиперреальности, в которой советская коррупция не только восстановила свои силы после революционного хаоса, но и стала основным механизмом самоидентификации постсоветского термидора. Коррупция поставила «систему в положение скорпиона, окруженного огнем смертельного вызова» [3, с.222]. Естественно, что в этих условиях она начала жалить саму себя.

Суть этого вызова заключается в следующем – «необходимо превзойти систему в симуляции. Следует обратить смерть против смерти» [3, с.104]. История советской коррупции и борьбы с ней со всей очевидностью показали, что, если симулятивное «производство» получает такой круговой характер и инволюциониру-

ет само в себя, оно утрачивает всякую объективную детерминированность. Подобно мифу, оно само себя закликает с помощью своих собственных элементов, ставших знаками» [3, с.143]. Вызов делает очевидным тот факт, что «на смерть можно ответить только другой, равной или большей смертью» [3, с.221]. Он является для «круговой» симулятивной системы своеобразной ловушкой, ибо, для того, чтобы выжить, она должна на него ответить, но ее ответ всегда будет один – смерть. Власть коррупции не просто фиксирует факт вызова системе, но она как бы призывает ее к совершению определенного действия: «пускай система сама убьет себя, отвечая на многократный вызов смерти и самоубийства» [3, с.222].

Она призывает административную гиперреальность совершить самоубийство – уничтожить, ликвидировать тот способ ее самоидентификации, который в условиях постсоветского термидора был «синтетической субстанцией» ее развития и который завел данную модель симуляции в «тупик смерти». Система явным образом отвечает на «смерть-вызов» в форме «растерянности и слабости» – «колоссальный аппарат власти словно разжижается в этой ситуации – ситуации ничтожно мелкой в терминах силовых отношений, но вся нелепость (то есть непомерность) которой обращается против него». [3, с.225]. В условиях «разжиженности» административной гиперреальности активизируются различного рода ретроспективные симуляции, которые рождаются в сферах идеологических, но активно претендуют на то, чтобы доминировать в сферах политических – выказать не растерянность, но собранность, не слабость, но силу «разжиженной» власти.

У постсоветской истории нет выбора – «чтобы принять вызов, система может только умереть в ответ, развалиться» [3, с.226]. Речь в данном случае идет не о физической и даже не о метафизической, но о патафизической смерти – о своеобразном символическом ответе на прозвучавший вызов. В дальнейшем мы поговорим об этом более подробно. Сейчас же заметим, что власть коррупции, как способ принуждения системы к симуляции обратимости ее смерти, на этом не заканчивается. Более того, в этой точке невозврата – в точке смерти-вызова она только по-настоящему и начинается.

Власть коррупции максимально консолидирует инерционный потенциал постсоветской гиперреальности – «все институты, все социальные, экономические, политические, психологические опосредования призваны никому не давать случая для такого символического, смертельного вызова... Надо, чтобы такой возможности прямого символического столкновения никогда не возникало. Надо, чтобы все было предметом сделки» [3, с.228]. Ее власть как раз и проявляется в том, что она создает условия, определяет необходи-

мость и производит некие относительно стабильные и воспроизводимые формы совершения такого рода сделок.

Власть коррупции столкнула между собой на ристалище постсоветской гиперреальности в кровавой симулятивной схватке два закона: рыночный закон ценности и структурный закон ценности [3] и нашла способ заключения между ними своеобразной сделки. Рыночный закон ценности вернулся в российскую историю благодаря революции девяностых годов. Структурный закон ценностей, несмотря ни на какие революции ее и не покидал – посредством различных модуляций советской коррупции он не просто воспроизводится в новой для него постсоветской гиперреальности, но активно участвует в конституировании ее ключевых отношений и институтов. Власть коррупции – это не просто способ сведения в одном месте и в одно время в неравной схватке двух различных симулякров в «законе», но такая организация их взаимодействия, в результате которого рыночный закон ценности превращается в фантом, а его основные ценности – рынок и демократия, становятся призраками административной гиперреальности. Обратной стороной процесса их коррупционного вытеснения и нейтрализации было утверждение в качестве основного закона воспроизводства постсоветского термидора, структурного закона ценностей. Уничтожение рыночного закона ценности и фетишизация структурного закона ценности – это два взаимоисключающих процесса симуляции постсоветского термидора. Они оказываются вместе только благодаря коррупции, которая активно и целенаправленно симулирует сделку между ними.

Власть коррупции – это, с одной стороны, способ и форма превращения советского государства-цивилизации в исходный генетический код постсоветской гиперреальности, с другой стороны, она проявлялась в виде операциональной симуляции, «порождающей модели», своеобразного медиума и ретранслятора тех процедур вытеснения и нейтрализации, с помощью которых коррупция кодировала (симулировала «в чистом виде») гиперреальность, исходным кодом которой было советское государство-цивилизация.

Рассмотрим более обстоятельно как содержание, так и сущность способа модуляции советской коррупции в условиях постсоветского термидора – природу и суть того, что мы называем властью коррупции.

Власть коррупции – это «конструкция распределения богатств» [3, с.119] в условиях их воспроизводства на основании структурного закона ценностей. Она создает необходимые условия для качественного обновления генетического кода постсоветской гиперреальности – разрушает рыночный закон ценности. Ограничивает сферы его действия. Уничтожает его содержание – референции и эквивалентности. [3, с.113].

Деформирует и симулирует обмен «мертвыми» эквивалентностями и референциями (1). Она восстанавливает структурный закон ценности, который вытесняет процесс их производства, регулируемый, как известно, рыночным законом ценности и подменяет, подставляет вместо него процесс их расширенного воспроизводства (2). В результате исчезают границы данного процесса, а он сам превращается в порочный круг манипулирования одними и теми же ценностями, в котором все они оказываются всего лишь вехами безумного процесса симулятивного воспроизводства гиперреальности (3). Власть коррупции разрушает детерминированность и референции. Особым образом утверждает их недетерминированность друг к другу и к своему содержанию – создает сеть неопределенности и пустоты (4). При отсутствии, или призрачности границ недетерминированные знаки под мощным прессом коррупции превращаются в функциональные переменные и погружаются в нескончаемый круговорот и бесконечную игру отражений «чистого» воспроизводства (5). Власть коррупции не только создает условия для восстановления генетического кода гиперреальности, но и инициирует этот процесс. Как минимум, инициирует восстановление ее поруганных границ. Возлагает ответственность за них на ту модель идентификации, которая уже не раз в прошлом демонстрировала свои возможности на материале советской гиперреальности, сумела сохраниться, не без помощи все той же коррупции в лихие времена революционных перемен и теперь демонстрирует готовность вновь заступить в пограничный наряд по охране рубежей бесконечного воспроизводства структурных ценностей. Властвующая коррупция возлагает эту ответственность на тех, кто наиболее подготовлен к тому, чтобы окончательно вытеснить из постсоветской гиперреальности рыночный закон ценности и утвердить безусловный приоритет структурного закона. Знамя борьбы коррупции за производство чистого воспроизводства совершенно естественно подхватило советское государство-цивилизация (6). Именно оно оказалось в нужном месте, в нужное время, для того, чтобы, используя свой богатый опыт симуляции истории, вновь за счет собственной самоидентификации, обеспечить воспроизводство границ действия структурного закона ценностей. После того, как оно обустроило соответствующие рубежи, начался процесс поглощения, нейтрализации всего живого и осмысленного, все еще референциально значимого, встроенного в процесс производства, которое волей судеб, оказалось по эту сторону процесса самоидентификации («вертикализации») советского государства-цивилизации (7). Коррупция превратилась в симулятивную модель, которая увлекает вслед за собой в «алеаторную сферу кода» [3, с.127] все символы и знаки этой гиперреальности (8). Власть коррупции

Лоскутов В.А.

подставляет знаки и организует их ритуальное воспроизводство - «множественную, непрестанную, вращательно-круговую соотнесенность со всей сетью прочих знаков» [3, с.126]. Она осуществляет коннексию и распределяет различные элементы гиперреальности по соответствующим статусам, структурам, операциям (9). Посредством комбинаторики и подмен коррупция симулирует производство ценностей, занимаясь по сути лишь тем, что разрушая их референции и смыслы, создает условия для их мнимого единства в процессе воспроизводства советского государства-цивилизации. Кроме этого коррупция симулирует не только результат, но сам процесс его воспроизводства (10). В результате чего он также превращается в переменную величину, которая наряду с иными фантомами и призраками постсоветской гиперреальности, начинает активно, но бессмысленно воспроизводиться в своей самоидентичности. Тем самым, коррупция, одновременно, как бы повышает и понижает симулятивные ставки советского государства-цивилизации. И в этом тоже проявляется ее власть. Но, на этом она далеко не заканчивается.

В результате властвования коррупции в постсоветской гиперреальности появляется новая матрица ее симулятивного развития. Советское государство-цивилизация из формы и порождающей модели советской истории опосредованно коррупцией становится кодом постсоветского термидора. Наиболее эффективно советское государство-цивилизация кодирует (идентифицирует) уже созданную после соответствующей революции («хаоса») гиперреальность, с помощью все той же коррупции, которая за счет этого процесса не только укрепляет, но и развивает свою власть, вплоть до «роковой тавтологии» и гиперфинала, в котором данный способ самоидентификации гиперреальности обратится на самого себя и растворится в импловивных превращениях своей сущности. В этом случае власть коррупции проявляется, как ее способность быть «порождающей моделью», «аксиомой» симуляции, в том числе и обратимости смерти симуляции. Она обеспечивает эффективное кодирование советским государством-цивилизацией постсоветской гиперреальности. Превращает код и продукт кодирования в обыкновенную тавтологию, при которой « $A=A$ » идентифицирует их себестождественность.

Основные вектора властвования коррупции раскрывают и характеризуют не только потенциал самоидентификации советского государства-цивилизации, вплоть до его превращения в источник симуляции завершения, финала развития постсоветского термидора, но и кодирования коррупцией своей собственной симулятивной природы, что вполне может завершиться исторической катастрофой – разрушением самоидентичности советского государства-цивилизации.

Проявляясь в форме симулятивной референции, власть коррупции особым образом присваивает, поглощает и нейтрализует все проявления рыночного закона ценности и, что очень важно, декодирует его – превращает в частный случай реализации структурного закона ценностей. Заставляет призраки рынка и демократии ускоряться и производить, хотя и бессмысленные, недетерминированные, но очень динамичные манипулятивные действия.

Власть коррупции – это высшая степень ее операциональности в качестве порождающей модели симуляции симуляции. Властвующая коррупция оборачивает производство гиперреальности и превращает его в процесс ее воспроизводства и его симулятивного потребления (1). Власть коррупции обеспечивает успешность и продуктивность «вторжения кода» в постсоветскую гиперреальность и перенастройку всех механизмов ее симулятивного развития в соответствии с новыми законами его самоидентификации (2). Посредством определенных форм насилия, которые мы вслед за Ж. Бодрийяром могли бы объединить в единый процесс «символического насилия» (3), она устанавливает господство произведенных советским государством-цивилизацией ценностей в качестве базовых моделей симуляции его жизни и смерти (4). Наконец, самое главное, о чем мы поговорим далее более подробно, властвующая коррупция кодирует гиперреальность как ее «неукоснительную обратимость» - возможность и необходимость симуляции советским государством-цивилизацией принципиального завершения процесса собственной самоидентификации (5). И, наконец, последнее, она пробуждает к жизни такую модель его импловивной катастрофы и саморазрушения, как «символический беспорядок» (6).

Власть коррупции – это высшая степень проявления свободы советской коррупции, которую она достигла в процессе превращения в основной способ самоидентификации постсоветской гиперреальности. Ее свобода проявилась в трех взаимосвязанных формах. Каждая из них была всего лишь специфической формой реализации самостоятельной природы советского термидора – универсальной процедурой его самоидентификации. Сначала коррупция поменяла источник данного процесса. Превратила структурный закон ценности в производящую причину развития постсоветского термидора. Затем, она инициировала оборачивание советского государства-цивилизации из формы в матрицу и код - в субстанцию его функционирования и качественного обновления. Наконец, освобожденная от свободы коррупция («симуляция в чистом виде») из производящей причины и субстанции превратилась в субъект симуляции (кодирования) смерти симуляции – она бросила вызов системе и до-

вела процесс ее самоидентификации до, если и не метафизического, то патафизического «самоубийства».

Советское государство-цивилизация (часть третья)

В условиях термидорианского переворота, симуляции обратимости смерти постсоветского термидора советское государство-цивилизация превращается в субъект символического обмена самого себя на себя. Оно оборачивается на себя как объект и с помощью специфических форм самоидентификации (суверенизации) симулирует свое самоубийство. Симулирует в форме **имплозии**.

Имплозия - это взрыв направленный, в отличие от революции не вовне, а вовнутрь. Он происходит в результате огромного перенасыщения системы своими собственными, нейтрализованными, неиспользуемыми, непонятными силами. Теми силами, которые поглощают причинность, дифференцированность, референции и смыслы, всякое различие положительного и отрицательного, субъекта и объекта. Для того чтобы система обернулась на саму себя в форме взрыва она должна в своем развитии достигнуть минимального порога, того, что можно было бы назвать “собственный центр инертности” (Ж. Бодрийяр). Он притягивает к себе, концентрирует вокруг себя все инерционные силы и энергии системы, которая в результате рождает не взрывное насилие направленное вовне, а необъяснимое насилие притяжения.

Имплозия представляет собой особый тип обратимости системы. Самая низкая точка, с которой начинается «насилие уплотнения» представляет собой, как это не покажется странным высшую форму ее самоопределения, гипертрофированного самоконтроля и предельного насыщения. Имплозия это не революция, не негатив и не регресс. Она является катастрофой. Но, при этом, не стоит слишком драматизировать ситуацию и следует помнить, что «термин “катастрофа” имеет “катастрофическое” значение конца и уничтожения лишь при линейном видении накопления, влекущего за собой завершенность, которое навязывает нам система. Сам термин этимологически означает всего-навсего “заворот”, “сворачивание цикла”, которое приводит к тому, что можно было бы назвать “горизонтом событий”, к горизонту смысла, за пределы которого невозможно выйти: по ту сторону нет ничего, что имело бы для нас значение, - однако достаточно выйти из этого ультиматума смысла, чтобы сама катастрофа уже больше не являлась последним днем расплаты, в качестве которой она функционирует в нашем современном воображаемом». [4, с.209]

Катастрофа в форме имплозии представляет собой реверс системы и достижение ей своего горизонта

смысла — своеобразный ответ на тот ультиматум смысла, который она предъявляет сама себе. В этом «завороте» она убивает, исключает всех посредников — все смыслы, референции, коннотации между центром инертности гиперреальности и произведенным ей продуктом. Становится источником «короткого замыкания» между ними. Тем самым, она разжижает и истощает потенциал ее самоидентификации. В форме взрыва она соединяет несоединимое: открытые, распахнутые вовне границы гиперреальности и ее перенасыщенный инерцией, стягивающий на себя всю мощь и богатство симулятивной самоидентификации центр. В этой бесконечной и бездонной круговерти симуляции, через которую проходят еще и сверхконцентрированные токи короткого замыкания гиперреальности, происходит обратимость гиперсимуляции. В результате чего она буквально растворяется в собственной самоидентификации.

Имплозия отличается от революционного ниспровержения, насильственного разрушения тем, что в результате реверса превращается в способ исчезновения симуляции гиперреальности. Она гиперфинальна, потому что открывает, нивелирует границы гиперреальности и источает, истощает сквозь открытые границы ее симулятивный инерционный потенциал. Очень важно понять, что имплозия — это особый способ самоидентификации, но не гиперреальности, а различных симулятивных механизмов ее самоопределения. В этом смысле она является гиперсимуляцией, которая, не уничтожая ее способность к самоидентификации, открывает для системы весь спектр возможностей идентификации в качестве важнейшего механизма самоидентификации истории. Будучи формой реверса, имплозия как бы разворачивает систему вовнутрь. Вовне же она поворачивается — превращается в начало иной истории в форме патафизической смерти.

Имплозия советского государства-цивилизации представляет собой процесс его обращения на самого себя как источник, код и субъект постсоветского термидора, особую процедуру «непредусмотренного перегиба, который уводит все сущее по ту сторону от предназначенных целей» [1, с.227]. Она осуществляется в виде термидорианского переворота, в результате которого центростремительные силы термидора консолидируют его инерционный потенциал настолько, что он оказывается в состоянии превратить самоидентификацию советского государства-цивилизации в гиперсимулякр, не просто уводящий все сущее в сторону, но за счет этого истощающий, разжижающий созданную им гиперреальность. Этот гиперсимулякр посредством имплозии симулирует не смерть советского государства-цивилизации, а обратимость его смерти - символический “обмен”. Ибо «для системы смертельна одна лишь обратимость,

Лоскутов В.А.

а не развязывание или дрейф. Это и есть смысл символического «обмена» [3, с.942]. В данном случае «смерть ни в коем случае не должна пониматься как реальное событие, происходящее с некоторым субъектом и телом, но как некоторая форма — в известных случаях форма социальных отношений, — в которой утрачивается детерминированность субъекта и ценности» [3, с.941]. Утрачивается его субъектность, способность к кодированию и порождению гиперреальности. Термин «смерть» в контексте нашего исследования мы будем использовать также как и Ж. Бодрийяр, в двух смыслах. «Смерть всегда есть одновременно и то, что ждет нас в конце [au terme] системы, и символический конец [extermination], подстерегающий самое систему. Чтобы обозначить финальность смерти, внутренне принадлежащую системе, повсюду вписанную в ее операциональную логику, и радикальную контрфинальность, вписанную вне системы как таковой, но всюду преследующую ее, у нас нет двух разных терминов — в обоих случаях с необходимостью выступает одно и то же слово «смерть» [3, с.940]. Оборачивание советского государства-цивилизации на само себя в форме термидорианского переворота является не только симуляцией его смерти, но и симуляцией ее обратимости, то есть символической смертью. Самопереворот советского государства-цивилизации «единственно возможное символическое насилие, способное сравниться и совладать со структурным насилием кода» [3, с.105]. Совладать с тем далеко не символическим насилием, которое в расширенных масштабах оно воспроизводит. Вся метафизика, «в сущности, изгнана этим перевертыванием ситуации, где субъект не находится более в истоке процесса, где он становится агентом или оператором объективной иронии мира. Более не субъект представляет себе мир (I will be your mirror!), но сам объект проецирует субъекта, тонко через технологии вызывает его присутствие и его волновую форму» [2, с.302]. И вызывает он не его смерть, а патафизическое обнуление ситуации взаимодействия советского государства-цивилизации с самим собой как субъектом и объектом собственных изменений. Патафизика «означает науку о воображаемых решениях» [1, с.311]. Но поскольку «всякий переход к действию представляет собой воображаемое решение» [1, с.311], постольку и имплозия советского государства-цивилизации, будучи не просто его смертью, а ее обратимостью, в то же самое время является и переходом к хотя и воображаемому, но абсолютно реальному и конкретным решениям. Они реальны уже потому, что с помощью имплозии преодолели симулятивные границы гиперреальности и хотя в воображаемой форме - в виде реальной возможности, но уже вышли в иной мир. Формально

этот переход выглядит как превращение его самоидентификации в способ самоидентификации истории. По сути же он представляет собой реальный конец постсоветского термидора и символическую смерть революции - превращение ее в эффективно действующий механизм самообоснования целостной и единой российской истории. Патафизическая смерть советского государства-цивилизации дает нам шанс («воображаемое решение»), в том числе, и на воссоединение ее основных исторических форм и этапов.

Имплозия - это особая процедура завершения революции, выход советского государства-цивилизации за границы постсоветского термидора в реальный исторический процесс и его превращение в способ самообоснования обновленной исторической реальности России. Она определенным образом, можно даже сказать - диалектически снимает в себе все иные возможные пути преодоления постсоветского термидора. В том числе, антикоррупционную революцию и «симуляцию» ее смерти. В форме патафизической смерти имплозия обеспечивает не смерть, но ее символическую обратимость - рождение на месте симулятивной, обесмысленной самоидентификации советского государства-цивилизации его осмысленной исторической идентификации в качестве важнейшего механизма самоидентификации целостной и непрерывной российской истории. Двигаясь по этому пути, Россия должна осуществить идентификацию своего исторического пути, своей судьбы и вернуть себе те мирозозидающие основы, которые всегда были неиссякаемым источником ее исторической успешности. В процессе превращения процедуры исторической идентификации в ведущую противоположность ее противоречивого единства с процедурой самоидентификации постсоветского термидора она должна разорвать порочный круг симулятивного псевдоразвития постсоветской гиперреальности и восстановить в себе достаточные и необходимые основания для того, чтобы вновь занять подобающее место в современном мире. Прежде чем мы очень кратко охарактеризуем суть и смысл тех новых возможностей возрождения России, которые открывает перед ней термидорианский переворот, выделим и проанализируем основные формы самоидентификации советского государства-цивилизации в условиях постсоветского термидора. В постсоветскую эпоху, когда советское государство-цивилизация последовательно превращается из порождающей модели в предельное основание (матрицу), а затем в субъект термидорианского переворота, наиболее адекватной формой выражения самоидентичности созданной им гиперреальности является **суверенитет**. Именно он глубоко и точно отражает возможность и необходимость самоопределения революции в постре-

волюционной период и ее способность воспроизводиться в относительно стабильных исторических формах. В каком-то смысле, если иметь в виду, что речь в данном случае идет о советском государстве-цивилизации, процедура суверенизации становится стержневым, основополагающим процессом для системы координат его самоидентификации. Можно выделить три основные, конкретно-исторические способа самоидентификации советского государства-цивилизации посредством и в формах его суверенизации в условиях постсоветского термидора.

Постсоветский термидор начинается с того, что советское государство-цивилизация, будучи способом оборачивания антитоталитарной и антисоциалистической революции на саму себя, столкнулось «с системным вызовом государственному суверенитету и территориальной целостности» [8]. Ответом на этот вызов «стало восстановление реального единства страны, иными словами, установление на всей ее территории суверенитета российского народа, а не господства отдельных лиц или групп» [12]. Суверенитет российского народа, что являлось абсолютно естественным для советского государства-цивилизации, был установлен в форме **государственно-народного суверенитета**: «в те непростые годы народу России предстояло одновременно отстоять государственный суверенитет и безошибочно выбрать новый вектор в развитии своей тысячелетней истории» [9]. При этом «надо было решить труднейшую задачу: как сохранить собственные ценности, не растерять безусловных достижений и подтвердить жизнеспособность российской демократии. Мы должны были найти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства [10]. Что касается собственных ценностей, то именно они «определяют и наше стремление к росту государственной самостоятельности России, укреплению её суверенитета» [10]. В те годы в основном упор делался на так называемые «базовые общенациональные ценности» [9]: «при всем обилии взглядов, мнений, разнообразии партийных платформ у нас были и есть общие ценности. Ценности, которые сплачивают и позволяют называть нас единым народом [8]. Наряду с этим признавалось, что «демократическое устройство страны, открытость новой России миру не противоречат нашей самобытности и патриотизму, не мешают находить собственные ответы на вопросы духовности и морали» [8].

По мере того, как Россия вставала с колен, а советское государство-цивилизация превращалось из источника в предельное основание пост революционного развития революции возникла принципиально новая форма его суверенизации: на смену государственно-народному суверенитету приходит **государственно-геополитический (державный) суверенитет**,

который выражает специфическую логику самоопределения России в современном, бурно изменяющемся мире. Как говорил Президент РФ Д.А. Медведев, «в основе моего представления о будущем глубокая убежденность в необходимости и возможности обретения Россией статуса мировой державы на принципиально новой основе» [6]. Что касается ценностной основы нового, теперь уже державного суверенитета, то она несколько изменилась по сравнению с той системой базовых (общих) ценностей, которая лежала в основе государственно-народного суверенитета. Речь идет всего лишь об изменении акцентов и перемещении некоторых ценностей из разряда базовых на первый план государственного строительства и общественного развития: «в XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии» [7]. К сожалению, ценностный реверс и очередной исторический эксперимент, как было в России уже не раз, не удался и «статуса мировой державы на принципиально новой основе» мы так и не достигли. Вместе с ним остались в прошлом, фактически на задворках истории не только ценности модернизации (четыре «И» – институты, инвестиции, инфраструктура, инновации), но и базовые ценности демократии – в России случился термидорианский переворот.

Советское государство-цивилизация как субъект постсоветского термидора в процессе термидорианского переворота обернулось на само себя и попыталось посредством укрепления и развития теперь уже не государственно-народного и государственно-державного, а **государственно-национального суверенитета** вновь вернуться к вопросу о превращении России в геополитического субъекта. Не получилось решить эту задачу с помощью модернизации, ничего страшного – «будем последовательно продвигать евразийский процесс» [11]. С самого начала постсоветского термидора базовые национальные ценности находились в центре внимания власти, которая рассматривала их как условие не просто выживания, но успешности развития страны. Другое дело, что в условиях термидорианского термидора они становятся не просто предельной основой суверенизации советского государства-цивилизации, но важнейшими атрибутами его активной деятельности как субъекта исторического процесса. Евразийская модель государственно-национальной суверенизации («русский мир» как «русская весна») представляет собой попытку восстановления субъектности советского государства-цивилизации не только по отношению к самому себе как вершине и тупику развития соответствующей революции, но также в отношении к иному (постсоветской реальности) и другому (однополярному) миру. Эта модель декларирует

не только некоторые очень важные для национальной идентичности ценности, но и провозглашает в качестве первоочередной задачи их защиту от различного рода деформаций идущих от иного и другого: «мы знаем, что в мире всё больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира» [11]. Пришедшие на смену базовым ценностям, так называемые традиционные ценности, которые являются источником становления государственно-национального суверенитета советского государства-цивилизации, призваны укрепить не только его геополитический статус как субъекта своих собственных («евразийских») изменений, в том числе и идеологический статус последнего, наиболее последовательного защитника консервативных ценностей, но и обеспечить установление средствами и методами «русской весны» особого пути его развития - собирание различных «остатков» и «осколков» его постсоветского развития в единый евразийский, хотя, на самом деле, конечно же, советский «русский мир».

Историческая самоидентификация советского государства-цивилизации в условиях постсоветского термидора происходила и происходит в настоящее время посредством государственно-народной, государственно-геополитической и государственно-национальной суверенизации. Они очень тесно связаны с соответствующими этапами и способами превращения советского государства-цивилизации из порождающей модели в матрицу и субъект постсоветского термидора. И в этом смысле они представляют собой лишь специфические модуляции одного и того же процесса его самоидентификации – процедуры установления государственного суверенитета России. Выделенные формы государственного суверенитета отличаются друг от друга не только набором ценностей, или их статусом, но и способом их вовлечение, использования в процессе, в первую очередь, государственного строительства, а также общественного развития. В конечном итоге, именно советское государство-цивилизация производит их первичный отбор, классификацию и при необходимости консолидацию в виде политических и идеологических программ своего собственного развития. Оно же превращает их в специфические порождающие модели воспроизводства наиболее одиозных и консервативных тенденций развития постсоветского термидора, к которым можно отнести, в том числе и анализируемую в данной работе идеологию русского российского государства-цивилизации.

Историческая самоидентификация советского

государства-цивилизации с помощью его суверенизации представляет собой особый набор симулятивных процедур постсоветского термидора – форму утверждения (стабилизации) отсутствия революции как реальности и способ ее превращения в гиперреальность. Государственно-народный суверенитет установил факт превращения советского государства-цивилизации в порождающую модель постсоветского термидора – своеобразное «замораживание» (стабилизацию) революции. С помощью государственно-геополитического суверенитета советское государство-цивилизация попыталось сущность антитоталитарной революции (демократию и историческую модернизацию) превратить в механизм собственного самообоснования – симулировать присутствие революции. Наконец, посредством бескомпромиссной борьбы за государственно-национальный суверенитет оно стремилось и стремится вновь стать субъектом революции, фактически же – стать единственным субъектом контрреволюции и реставрации и, тем самым, завершить постсоветский термидор, то есть симулировать присутствие ее полного отсутствия в форме термидорианского переворота.

Поскольку все эти процессы осуществляются исключительно в рамках самоидентификации советского государства-цивилизации, постольку они являются лишь способами самообоснования постсоветского термидора и тем самым, несмотря на то, что в случае с государственно-национальной суверенизацией, они даже симулируют его смерть, остаются для революции непреодолимыми пределами ее самодостаточного бытия. С помощью этих симулятивных процедур советское государство-цивилизация как бы помещает революцию под прозрачный колпак, под которым она медленно, но верно увядает и превращается в гиперреальность и свое другое – контрреволюцию. И вот тут мы переходим к самому главному вопросу данного раздела исследования – как, в принципе, возможно выйти за границы этого процесса, разорвать симулятивный круг воспроизводства постсоветского термидора и преодолеть импловзивное обаяние советского государства-цивилизации?

Россия отвечает на ультиматум смысла, на тот вызов, который бросает ей имплозирующее советское государство-цивилизация особым образом. «Чтобы принять вызов, система может только умереть в ответ, развалиться. В этот миг ее смерть становится символическим ответом — но от него она и гибнет» [3, с.226]. В результате такого рода символического ответа нас ждет не развал системы (России), чего так опасаются современные руководители страны, а окончательная смерть, гибель советского государства-цивилизации - имплозия, **разрушение тоталитарного тождества симулятивного государства и гиперреальной цивилизации.** В

процессе термидорианского переворота, то есть символического самоубийства советского государства-цивилизации должно произойти их реальное, а не симулятивное возвращение к естественному историческому развитию. Погружение в глубины современного цивилизационного самоопределения исторической реальности и обретение через это, в том числе, искомого тождества российской и советской истории. Импульзия освободит государство из плена сплюсненной и свернутой истории, чрезмерного давления симулятивных ценностей советской гиперреальности. А патафизика позволит ему не только присвоить современные проблемы государственного строительства, но и смоделировать возможные пути их разрешения. Смоделировать некоторые формы антикризисного развития российского национального, социального и правового государства. А также обеспечить его выход из достаточно сложной и неоднозначной ситуации восстановления российской истории в качестве одного из ключевых полюсов развития современной мировой истории - из ситуации превращения восстановленного из симулятивного небытия российского государства, естественно на базисе современной цивилизационной идентификации, в важнейшую составляющую процесса качественного обновления целостного исторического мира.

Патафизика лишь намечает контуры тех исторических реалий, которые должны появиться в результате импульзии. Она фиксирует их пока еще не раскрытые свойства и воображаемые решения, которые пребывают в потенции. По нашему мнению, «возможные решения» будут касаться в первую очередь вопросов постиндустриального развития России и возможностей реального использования многообразного потенциала российской истории для вхождения нашей страны в качестве полноценного исторического субъекта в мир глобальной конкуренции. Можно предположить, что на смену различного рода государственным формам суверенизации (самоидентификации) придут принципиально новые способы и механизмы идентификации России в системе ее исторического прошлого, настоящего и будущего. Посредством **исторической идентификации** будет восстановлена целостность и непрерывность ее истории – будет, наконец-то, прекращена гражданская война ее прошлого с самим собой. Путем **цивилизационной идентификации** мы восстановим механизмы саморазвития единой российской истории. Обеспечим продуктивность и эффективность самообоснования ее сущности в настоящем. Для того, чтобы проникнуть в будущее, выстроить соответствующую траекторию развития, необходимо присвоить, освоить и поставить на службу настоящему основные законы самоидентификации мировой истории. Следует механизмы собственной идентификации соотнести с уни-

версальными механизмами развития целостного исторического процесса и формами их осуществления в настоящее время. Причем, очень важно, не устраивать очередную судьбоносную схватку с ними, что мы в прошлом очень часто делали, а попытаться установить такой баланс сил и энергий между ними, который бы позволил гармонизировать процессы идентификации российской истории и самоидентификации мировой истории. Можно предположить, что это будет достигнуто с помощью **глобальной идентификации** России, в процессе ее превращения в важнейший субъект самоидентификации будущей истории мира.

Патафизическая смерть советского государства-цивилизации осуществляется посредством импульзии – путем истощения исторического потенциала его симулятивной самоидентификации, только и исключительно, в формах государственной суверенизации. Разгосударствление исторической жизни России и процесса ее суверенизации является не только основным способом умерщвления («самоубийства») советского государства-цивилизации, но и мощнейшим ресурсом ее восстановления в качестве универсальной и самодостаточной исторической силы. В результате гиперсимуляции гиперфинала самоидентификации советского государства-цивилизации должна появиться принципиально новая система координат идентификации российской истории, основными осями которой могут быть историческая, цивилизационная, глобальная идентификация.

И в завершении нашего исследования способов и форм самоидентификации советского государства-цивилизации обратимся еще раз к ее идеологическому alter-ego – русскому российскому государству-цивилизации. Данная идеологема очень напоминает последний защитный редут, своеобразную баррикаду, которую восставшие студенты Парижа в 1968 году построили на подступах к осажденной Сорбонне. Но, не следует забывать, что те «баррикады предназначались не для того, чтобы спасти Сорбонну, а для того, чтобы поднять на флаг ее труп и публично размахивать им, так же как негры Уоттса и Детройта поднимают на флаг руины своих кварталов, которые они сами до этого подожгли.» [4, с.358]. И в нашем случае эта идеологема, а также соответствующая ей практика государственного и идеологического строительства постсоветского термидора является не спасением, а, напротив, всего лишь поднятием на флаг символического трупа советского государства-цивилизации. Под этим флагом мы стройными колоннами можем еще достаточно долго идти «дорогой, которая не ведет никуда, но ведет туда быстрее, чем другие» [4, с.289]. И если мы все-таки туда дойдем, то есть достигнем состояния окончательного «облечения смысла» революции, возвращаться из зазеркалья симулятивной истории советской гиперре-

Лоскутов В.А.

альности в мир реальных превращений действительно российской истории будет уже незначим, да и невозможно. Поэтому, прежде чем идти, куда бы то ни было, да еще с соответствующим флагом следует более внимательно изучить ту «дорожную карту», которую предлагает нам в симулятивных судорогах от чрезмерных перегрузок постсоветского термидора разлагающееся советское государство-цивилизация. Чем мы и занимались в этой статье.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность Зла [электронный ресурс]. URL: <http://www.2lib.ru/getbook/1263.html> (дата обращения 20.08.2014)
2. Бодрийяр Ж. Сборник статей [электронный ресурс]. URL: <http://bookre.org/reader?file=16438> (дата обращения 20.08.2014)
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [электронный ресурс]. URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653> (дата обращения 20.05.2014)
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [электронный ресурс]. URL: <http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf> (дата обращения 20.05.2014)
5. Лоскутов В. А. Постсоветский тоталитаризм. «Якорные стоянки» российской власти. Екатеринбург: Уральская академия государственной службы, 2006. 687 с.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Российская газета. 2008. 6 ноября.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 // Российская газета. 2009. 13 ноября.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 // Российская газета. 2000. 11 июля.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 // Российская газета. 2005. 26 апреля.
10. Послание Президента РФ Федеральному

Собранию // Российская газета. 2003. 17 мая.

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 // Российская газета. 2013. 13 декабря.
12. Путин В. В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 января.

References:

1. Baudrillard J. The Transparency of Evil. [e-resource]. URL: <http://www.2lib.ru/getbook/1263.html> (date of access 20.08.2014)
2. Baudrillard J. Collection of articles [e-resource]. URL: <http://bookre.org/reader?file=16438> (date of access 20.08.2014)
3. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death [e-resource]. URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653> (date of access 20.05.2014)
4. Baudrillard J. Simulacra and Simulation [e-resource]. URL: <http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf> (access date 20.05.2014)
5. Loskutov V.A. Post-Soviet Totalitarianism. “Anchor holds” of the Russian Power. Ekaterinburg: The Ural Academy of Public Administration, 2006. 687 p.
6. The RF Presidential Address to the Federal Assembly of 05.11.2008 // Rossiyskaya Gazeta. 2008. 6 November.
7. The RF Presidential Address to the Federal Assembly of 12.11.2009 // Rossiyskaya Gazeta. 2009. 13 November.
8. The RF Presidential Address to the Federal Assembly of 08.07.2000 // Rossiyskaya Gazeta. 2000. 11 July.
9. The RF Presidential Address to the Federal Assembly of 25.04.2005 // Rossiyskaya Gazeta. 2005. 26 April.
10. The RF Presidential Address to the Federal Assembly // Rossiyskaya Gazeta. 2003. 17 May.
11. The RF Presidential Address to the Federal Assembly of 12.12.2013 // Rossiyskaya Gazeta. 2013. 13 December.
12. Putin V.V. Russia is concentrating – challenges we have to meet // Izvestiya. 2012. 16 January.